

В итоге мы собираем некий новый тезаурус, словарь неклассической антропологии навигации.

Мир миров, человек перехода, энергия действия, культурные антропопрактики, онтологический переход, эгональ пути-перехода, онтологический горизонт, онтологическая граница, антропоидный картоид.

И по этому словарю, как по кирпичикам, держа его как онтологические опоры, как делали изначально наши предки, составлявшие словари мироздания из первостихий, современный человек-номад вновь воссоздает новые миры и в них живет.

Рефлексируя проблему

ЧЕЛОВЕК ЗДЕСЬ. А ГДЕ АНТРОПОЛОГ?

С.С. АВАНЕСОВ

Нижеследующий текст содержит мои собственные соображения, вызванные чтением работы С.А. Смирнова «Человек в мире миров» и является откликом на содержание именно этой (а не какой бы то ни было другой) работы. Любая критика, содержащаяся в моем тексте, имеет отношение исключительно к указанной работе, а не к ее уважаемому автору.

Итак, человек нуждается в переоткрытии и заботливом сохранении. Такова господствующая гипотеза современной *передовой* антропологической философии, которая, как правило, не имеет никакого отношения к реальным людям, населяющим наш мир. Названная гипотеза отражает потребности нынешней *теории* человека, но не конкретных «объектов» этой теории. Итак, если мы строим релевантную антропологическую теорию, то не будет лишним вспомнить и об откровении, и о Писании, но не о «новых», а о «вечных» — претендующих на указание не сиюминутных, а неустранимых, стабильных специфических — качеств человека (при этом не надо думать, что стабильным качеством человека не может быть его онтологическая нестабильность). И где тут «классика», где «неклассика» (и насколько эта «неклассика» нова или даже неклассична) — трудно сказать с окончательной определенностью. Разве что слепо верить словам? Или полагаться на собственный вкус.

Априорное недоверие традиции и традиционности, как правило, не позволяет видеть разницу между традициями. Отсюда элементарная предубежденность. У священников не было умозрения? А чем занимались теологи и схоласты, начиная с Климента Александрийского? Кроме того, у священника Коперника было и еще кое-что, наряду с умозрением. Главное же в нашей ситуации — разобраться с собственными целями: мы хотим построения адекватной антропологии или же мы хотим полного искоренения всего «традиционного». Иначе говоря, если мы обращаем внимание, прежде всего, на то, *что* мы хотим изучать, то нам сгодится все полезное в этом изучении, независимо от его происхождения; если

же мы озабочены, прежде всего, виртуозностью и эксклюзивностью нашего стиля, то мы, в конце концов, потеряем «предмет» собственного дискурса.

Почему описание человека в качестве обитателя множества миров должно быть признано адекватным и продуктивным? На мой взгляд, «скачущий» по мирам человек — жалкое, юмористическое зрелище. Перманентная шизофрения. И разговор о множестве онтологий — фигура речи, ибо множественность онтологий — это в реальности *одна* «множественная» онтология. Но такая, в которой человеку дана возможность определяться как ему угодно в каждый момент жизни, в том числе, — мимикрируя и притворяясь. Некомфортно ему в одном мире (в котором он, допустим, нарушитель правил дорожного движения) — он выскакивает в другой (где он депутат со своей депутатской неприкосновенностью). Если конкретный человек не научится разбираться в своих возможностях, избирая одни возможности и отказываясь от других, он никогда себя не найдет.

Сократ хотя бы знал, что ничего не знает; ныне вопрос стоит гораздо жестче: неясно, *кто* не знает. Какая уж тут ответственность? Отвечать некому: типичный субъект имеет тенденцию к распадению на ситуативные фрагменты. Такое «ролевое» квази-существование — как игра в прятки. И если от Бога не спрячешься даже в эдемских кущах (Быт 3:8-9), то от себя самого — сколько угодно; надо лишь вовремя засунуть голову в песок параллельного мира, и ты ни при чем. Если принимается концепт «множественности миров» как множественности человеческих онтологий, то он в конечном итоге оправдывает и даже продуцирует именно такую практику ускользания.

На мой взгляд, богообщение — не «суеверие», а ключевой параметр существования. От богообщения человек не только не может отказаться, если хочет сохранить себя как *существующего* субъекта; он не может *реализоваться* в качестве человека, если не вступает в богообщение. Иначе он, в конечном счете, просто животный организм (особь) или социальный атом, в любом случае — игрушка «всеобщего», объект манипуляций. Человек «сам по себе» — это фантастический теоретический конструкт; реальный человек существует лишь посредством онтологической коммуникации с личным вмняемым Богом. Только в последнем случае он — не «монада», не «частный случай бытия всеобщей субстанции» и не «момент абсолютного духа», а личность. Признание реальности богообщения, таким образом, необходимо следует из полагания открытого, трансцендирующего характера человеческого бытия. Это антропологическая категория, а не суеверие.

В ситуации «после Освенцима» речь должна идти о *том же самом* Боге, о котором она должна была идти и *до* Освенцима, дабы освенцимов не случилось. Страдание и преображение вместе с Ним и есть самый главный религиозный опыт; его-то и призвана объяснять всякого рода схоластика. И в концлагере страдал не только Бонхейфер, и не каждый страдающий в концлагере пришел к «безрелигиозному» христианству¹. И если отпадает нужда в Боге как аварийном выходе, надо подумать, не пора ли отказаться от примитивного представления о Боге как ава-

рийном выходе? То, что годится для ребенка, позорит взрослого. Может, человеку пора уже повзрослеть?

Реально всякий человек страдает, конечно, не только «ради другого»; если я разбил себе лоб, я реально страдаю сам по себе. Делает же человека вполне человеком, естественно, только способность к со-страданию. И здесь образец для человека — реально со-страдающий Бог.

Нормальная человеческая жизнь — это, конечно, всегда «путь» к чему-то или кому-то, в том числе (бывает) и к Богу. Людей много, и путей к Богу, видимо, много (но гораздо меньше, чем людей), а Бог один на всех. При этом надо следить, дабы Бог ненароком не совпал с человеком, иначе получаем Алексея Нилыча и выстрел в собственный висок с «педагогической» целью.

Из нашего антропологического дискурса, по моему убеждению, должны навсегда исчезнуть резолюции о «людях в целом», хотя бы потому, что всякие общие резолюции *недоказуемы*. Например, о «людях, которые вновь ищут себе веру», я ничего не знаю. Кто это такие? Сколько их? Или мы опять беремся обобщать? На обобщениях погорели не только все «человековедческие» теории; в огне обобщений сгорели многие люди, не вписавшиеся в обобщения. Давайте жалеть конкретных живых людей! И какой там человек переходит к «построению миров»? Я такого пока не встречал. Плодить иллюзии собственного изготовления многие люди мастера, однако демонстрируют они это умение с самой зари цивилизации. А вот мир построить — это слабо. За этим мы — к Богу.

Нужна ли нам новая идея человека как некое *практическое* основание антропологии? «Идеи» человека — упражнения теоретиков. На практику оказывают влияние не идеи, а лозунги. Кто преуспел в формулировке лозунгов, тот и придал человечеству импульс. «Человек произошел от обезьяны» или «Покачнувшегося толкни» — вот что трансформирует реальную антропологию, а не «идеи», которые вызывают лишь ненависть молодых и узких специалистов, вынужденных их «учить». Другими словами, соотношение наших идей и концептов с реальной человеческой практикой нуждается в серьезном обдумывании и обсуждении.

Спасет ли нас от «лабиринта» мир миров? Если мир миров *есть*, то ориентация в нем бесполезна: это то же блуждание, но уже по более совершенному лабиринту. Умножение сущностей не ведет к искомой свободе от сущности. Но если *наш* мир не готов, не завершен и потому не совершенен, достаточно и его одного для реализации личности как свободного бытия. Если именно в человеке обнаруживается провал и коррупция тотальной сущности, имеющей обыкновение «схватывать» все, что попадает в поле ее гравитации, то и мир спасен от оков рока, и фатализм ниспровергнут. Тогда и мир не требуется множить, дабы не втягивать в окно сущность, изгнанную за дверь.

В конце концов, и «мир миров» есть конструкт (правда, весьма метафорически окрашенный). Его можно восторженно или с ненавистью созерцать как любой другой конструкт. Вопрос в том, какую *практику* он инициирует. На мой взгляд, очевидно, что по преимуществу симулятивную. Конечно, имеется в виду праксис тех субъектов, для которых

реален именно такой калейдоскопический «мир». Для них история всегда будет начинаться «здесь и сейчас», а множественность миров всегда будет провоцировать фрагментацию и атомизацию личной жизни. Если это современный нормативный тренд, долой *такую* «современность» и *такую* «норму»!

А что касается преодоления иллюзии «человеческой сущности» или «человеческой природы», то именно этот путь отказа от заблуждения (а не «создания» чего-то нового) представляется мне единственной платформой для попыток сформулировать *адекватную* (а вовсе не «новую» и уж тем более не «современную») антропологию. Такая антропология должна еще искать и выработать *язык*, отвечающий специфике ее позиции. И такая антропология должна помнить и напоминать об *идеале* как о той самой давно открытой Откровением «реперной точке опоры», которая единственно и может оказать всякому человеку помощь в ориентировании собственного существования как *коммуникативного бытия*, превосходящего себя к себе-в-норме.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Свт. Николай Сербский*. Сквозь тюремное окно: Послания сербскому народу из концлагеря Дахау. – М., 2006.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОНТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА

В.М. РОЗИН

В настоящее время антропологические исследования множатся как грибы после дождя. Спрашивается, почему? Не потому ли, что антропологический подход выглядит альтернативой и естественнонаучному подходу, и натуралистическому, и традиционному философскому? А также, возможно, и потому, что исследователи с антропологических позиций хотят понять, что собой представляет сам человек?

Хорошо бы разобраться, что собой представляет антропологический подход. Существуют две основные современные трактовки этой дисциплины: антропология – это целостное научное знание о человеке и вполне определенный, в этом смысле – ограниченный, научный подход к изучению человека. Для антропологии, пишет в Новой философской энциклопедии Н.Н. Козлова, в силу специфики объекта исследования всегда был характерен холизм как принцип целостного восприятия человека, общества, культуры. Последняя книга Иммануила Канта, вышедшая в 1798 г., называлась «Антропология с прагматической точки зрения». В ней великий немецкий философ утверждает, что антропология – это систематическое учение о человеке, который рассматривается с двух точек зрения: «Физиологическое человековедение имеет в виду исследование того, что делает из человека природа, а прагматическое – исследование того, что он, как свободно действующее существо, делает или